

DOI 10.18522/2415-8852-2023-4-194-216

УДК 929

**(АВТО)БИОГРАФИИ ЛИЧНОГО ДЕЛА, ИЛИ ПРОИЗВОДСТВО
ПИСЬМЕННОГО «Я» РОССИЙСКОГО ПРИЗЫВНИКА
(НА МАТЕРИАЛАХ ОДНОЙ ПЕТЕРБУРГСКОЙ НКО В 2010-е ГГ.)**

Никита Витальевич Шевченко

аспирант факультета антропологии Европейского университета в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

e-mail: nshevchenko@eu.spb.ru

ORCID: 0000-0002-3856-5467

Аннотация. В статье из перспективы антропологии бюрократии рассматривается главный документальный комплекс воинского учета – личное дело призванного вместе с бюрократическими стратегиями его формирования. В практике ведения организациями и государственными институтами личных дел (досье) на сотрудников и граждан автор видит ключевую для эпохи модерны стратегию управления индивидами через накопление и систематизацию знаний о них.

Статья, посвященная бумажным механизмам изготовления рекрутов, затрагивает работу одного из ключевых институтов («казармы» в терминах М. Фуко) дисциплинарного общества, в пространствах надзора производящего современного индивида. Вслед за британским социальным философом Р. Харре автор рассматривает личное дело как бюрократический портрет индивида – его документное «я» (file-self), создаваемое посредством бумаг и подшиваемое в папку. В данном случае документное «я» трактуется как один из вариантов современного письменного «я», порожденного и существующего в бюрократических мирах, где право на реальность и истину закреплено за документом.

В основу статьи легли материалы полевого антропологического исследования, проведенного в петербургской правозащитной организации в 2019–2022 гг. Анализируемые в статье документы взяты из архива НКО и датированы 2011–2019 гг. Из этой уникальной перспективы автор получил возможность изучать не столько создание и ведение личных дел сотрудниками военкоматов, сколько документную активность самих граждан, направленную на дополнение личного дела и коррекцию письменного «я» призванного. В статье рассматриваются бюрократические формуляры и нарративные стратегии, использованные для построения медицинских (авто)биографий и раскрытия своих убеждений теми, кто ориентирован на получение медицинского отвода или замену воинской службы на альтернативную гражданскую.

Ключевые слова: антропология бюрократии, призывная служба, личное дело, документное «я», письменная личность, делопроизводственная автобиография, медицинские нарративы, альтернативная гражданская служба

Как показал М. Фуко, в эпоху модерна дисциплинарная власть формирует послушные тела и контролирующие инстанции души, приводя казармы, тюрьмы, школы, больницы и фабрики к институциональному знаменателю муштры и надзора [Фуко 2015]. Выпадение из этого дисциплинарного порядка или изменение приписываемого институтом статуса часто требует от современного индивида расширения и интенсификации производства знаний о самом себе. Особую роль в создании и поддержании ансамблей «знания – власти» играют документы.

Предмет данной статьи – создание документальных комплексов, которые концентрируют в себе отношения «знания – власти», обеспечивающие бумажное производство рекрутов и функционирование механизма воинского учета в современной России. Я опишу, как благодаря сцепке с современными институтами, выступающими операторами социализации и контролерами становления юноши – детской поликлиникой, школой, университетом, местом работы, – российский военкомат посредством бумажных форм и процедур создает и пересобирает

личность призывника вместе с историей его взросления. Точкой сборки этих документальных материализаций, дисциплинарных маршрутов и бюрократических персонализаций становится личное дело призывника.

Говоря о наполнении личного дела и настройке письменного «я» призывника, я буду иметь в виду создание дополнительных документов и более детализированное изучение конкретного случая. Инициаторами этих изменений выступают не государственные институты, ориентированные на нормализацию индивида и превращение его в призывника, а сами граждане, использующие законные инструменты для обоснования своего права на изменение положения в призывной классификации. Этот ракурс задает специфика архива, к которому имел доступ исследователь.

Институт личного дела из перспективы одного полевого исследования

Согласно инструкции, утвержденной приказом Министерства обороны, который до недавнего времени регулировал бюрократию военкоматов,¹ «личное дело призывника за-

¹ Речь идет об «Инструкции по подготовке и проведению мероприятий, связанных с призывом на военную службу граждан РФ, не пребывающих в запасе». Она была опубликована в качестве Приложения № 1 к Приказу Министра обороны РФ от 2 октября 2007 г. № 400 «О мерах по реализации Постановления Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2006 г. № 663» (ред. от 29.06.2012) и действовала до января 2022 г. Этот интервал призывного делопроизводства в целом задает хронологические рамки исследования.

водится на гражданина, подлежащего призыву на военную службу при первоначальной постановке его на воинский учет»¹. В период проведения исследования эти дела велись на бумажных носителях с созданием электронных копий.² Помимо перечня персональных данных³ в них заносили результаты призывных комиссий и медицинских освидетельствований (кате­го­рию годности)⁴. Сотрудники военкомата в своих планах и решениях могут принимать во внимание не только военно-медицинскую таксономию годности, но и выдающиеся физические данные призывника, его водительскую категорию или техническую специальность, наличие которых также отражается в личном деле.

Для описания этого бюрократического портрета и истории юноши, задокументированной

в бумагах в рамках института призывной службы и имеющей вид досье, я буду использовать понятие *file-self*, разработанное Р. Харре и воспринятое Ш. Фицпатрик, вслед за А. Байбуриным переводя его как документное «я»⁵ [Harre; Фицпатрик; Байбурин: 27]. Личное дело здесь фигурирует в качестве бюрократического двойника, легитимно представляющего (и подменяющего) гражданина в его взаимодействии с институтом и способного влиять на исход взаимодействия.

Доступ к документному «я» призывника ограничен: личные дела не выдают на руки, а за их повреждение или хищение грозит уголовная ответственность. При этом личные дела могут перемещаться – между кабинетами во время призывных мероприятий, между

¹ Первоначальная постановка на учет производится в 17 лет и включает медицинское освидетельствование вместе с определением первичной категории годности, призывную комиссию и получение «приписного свидетельства» – небольшой синей книжки, в которую занесена основная информация по воинскому учету.

² Закон о создании Единого реестра военнообязанных и электронных повестках, подписанный 14 апреля 2023 г., изменит практики призывной бюрократии, содержание личных дел и способы их наполнения, переведя результаты моего исследования в разряд исторического опыта.

³ Перечень собираемых данных определяется п. 4 ст. 8 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе».

⁴ Категория годности определяет, в каких войсках может служить молодой человек и годен ли он вообще к армейской службе. Существует пять категорий годности: «А» и «Б» позволяют служить, «В» освобождает от службы в мирное время, а «Д» – в любое. «Г» освобождает от призыва на срок от 6 до 12 месяцев.

⁵ И если, переводя Фицпатрик, Л. Пантина остановилась на варианте документальное «я» для *file-self*, то мы осознанно используем документное «я» [Фицпатрик 2011: 24], поскольку исходим из предложенной И. Каспэ категории документности, в отличие от жанровой документальности позволяющей фиксировать и проблематизировать культурные конвенции, технологии, правила, позволяющие тому или иному артефакту претендовать на статус документа [Каспэ 2013: 6].

военкоматами при смене призывником места жительства и «прикреплении» к другому комиссариату, между нижестоящими и вышестоящими органами в ходе проверки. Состав и содержание документного «я» призывника тоже могут подвергаться изменениям как со стороны института, который создает и хранит досье, так и со стороны гражданина, чьей бумажной проекцией это досье является. И хотя призывник не может самостоятельно вносить данные в свое дело, он имеет право ознакомиться с ним, скопировать листы для дальнейшего изучения или же приобщить к делу документы, подав заявление. Исследователи, работавшие с документами закрытых бюрократических систем (пост)социалистических стран, отмечают, что граждане могли изменять свои личные дела даже тогда, когда не имеют к ним прямого доступа. Они корректировали автобиографии, оспаривая, умалчивая или сообщая ложные сведения о себе [Фицпатрик: 13–14].

Личное дело призывника обеспечивает воинский учет – служит категоризации и классификации потенциальных солдат, облегчает их дальнейшее распределение и использование для армейских нужд, отделяет «призывников» от «находящихся в запасе». Это динамическая классификация, в осуществлении которой активно участвует модерное государство, располагающее правом «присваивать имя, идентифицировать, категоризировать, решать, что есть что и кто есть

кто» [Брубейкер, Купер: 86]. Однако меня здесь интересует не столько работа государства, сколько вклад гражданина в процесс собственной категоризации. В случае с военкоматом важной частью этого процесса становится маршрутизация данных и бюрократических форм из разных институтов и организаций, их доставка в военкомат и перевод на его язык. Как отмечает М. Халл, «различные государственные органы готовят документы, относящиеся к одной и той же области, вместе с документами, не согласованными общими концепциями и показателями; конкурирующая документация <...> порождает неопределенность...» [Hull: 258]. Преодоление этой *неопределенности* на бумажном уровне требует не только согласования данных с бюрократическими формами, принятыми в военкомате, но и их правильного и надежного включения в документное «я». Выстраивать связи между «гражданскими» институтами и военкоматом зачастую приходится самому призывнику.

Отдельно стоит остановиться на темпоральности личного дела призывника. Часть бюрократических форм, включенных в него, фиксируют состояние здоровья призывника или его характерологические особенности, проявляющиеся в течение жизни. Есть и такие, что имеют автобиографическую форму, будучи в той или иной степени рассказами призывников о себе. «Я»-нарратив позволяет, отбирая и связывая важные для индиви-

да жизненные события, представить его нынешнюю идентичность как результат всей предшествующей жизни [Gergen & Gergen 1997: 162]. Выступая перед комиссией или излагая свою «историю» чиновнику, призывники формируют устные «я»-нарративы. Тогда как в личные дела включаются полноценные версии делопроизводственных автобиографий [Зарецкий 2021: 195–197]. Вслед за Г. Янке я буду рассматривать автобиографию (призывника) как коммуникативное действие, имеющее свою прагматику, работающее в определенном (институциональном) контексте и подчиняющееся заданному набору правил [Jancke: 66–70].

В статье рассматривается один из случаев интерперсонального и межинституционального конструирования письменной личности в бюрократических средах воинского учета. Проведя анализ содержащихся в личном деле бюрократических форм, я попробую определить, как из данных, которые собирает военкомат и которые сообщает сам призывник, создается связный и историчный нарратив о взрослении юноши и в чем состоит прагматика его создания.

Отдельно стоит оговорить специфику антропологического поля и доступа в обеспеченный этим полем архив, которые определили перспективу данного исследования. Статья написана на материалах полевого исследования 2020–2023 гг., проводивше-

гося в петербургской правозащитной организации (далее – НКО), куда призывники и их родители обращались за помощью в решении вопросов, связанных с институтом призыва. Целью многих из них было на законных основаниях получить категории годности «В» или «Д», позволяющие избежать срочной службы или добиться замены службы в военной части на альтернативную гражданскую службу (АГС).

Сотрудники исследуемой НКО создавали обучающие материалы, проводили семинары и вебинары, организовывали групповые консультации в офисе или онлайн, принимали звонки по горячей линии и помогали с подготовкой документов. Работа с «ситуациями» порой требовала повторных консультаций и изучения документов. Поэтому сотрудники НКО вели собственный архив «личных дел» призывников, которые к ним обратились. Это папки с документами, предоставленными призывником в процессе консультаций с НКО. В них – жалобы и заявления в надзорные инстанции, медицинские документы, фотографии и акты-описи личных дел. Эту пачку бумаг венчает типовая анкета, составленная НКО, куда в ходе первых контактов заносятся данные о призывнике, его здоровье и целях обращения.

Дела из архива НКО – уникальные документные комплексы, не совпадающие с личными делами, которые ведет военкомат (хотя и содержащие порой их описание или

снимки). И все же по содержащимся в них документам можно восстановить бюрократические траектории отдельных призывников – понять, с какими инстанциями они контактировали, какие акторы вовлечены, каким был эффект рекомендаций правозащитников.

В архиве НКО я работал с личными делами (а точнее, их следами) тех, кто обращался за помощью, и, как следствие, знакомился с проблемами и делопроизводственными способами их решения, актуальными для этой категории призывников и их родственников – будь это отказ в АГС или в ознакомлении с личным делом. Основу корпуса личных дел составили документы призывников, проживающих в разных районах Санкт-Петербурга и Ленинградской области, за 2011–2018 гг. Все это накладывает ограничения на выводы исследования – они не могут быть экстраполированы на всех призывников, другой временной интервал или регион.

Описываемые в статье документы и бюрократические практики их создания близки к тому, чтобы стать историей в силу серьезных институциональных и политических изменений последних лет. С переходом на электронный документооборот российская система воинского учета призывников и форма их взаимодействия с военкоматом существенным образом изменятся. Однако я не только работал с архивными доку-

ментами как историческими материалами, но и наблюдал за тем, как они используются людьми, и мог узнать, что люди говорят о них, в ходе полевой работы. Поэтому помимо анализа документов в текст включены небольшие полевые сюжеты и заметки, помогающие уточнить способы их бытования, что позволяет понять прагматическое устройство личного дела и выявить практики, в которые оно включено.

Документное «я» призывника: базовая версия

Анализ документного «я» призывника я начну с бумаг и бюрократических форм, которые инициированы институтом призыва и в обязательном порядке включены в личное дело. Именно они задают институциональный каркас письменной личности в российской системе воинского учета. В сбор информации о будущем призывнике, начинающийся еще до его первоначальной постановки на воинский учет, вовлечены базовые дисциплинарные институты модерна – «школа» и «больница».

На основании данных из детской поликлиники военкомат оформляет учетную карточку на подростка, подлежащего призыву. Когда личное дело будет заведено, она подшивается туда. Форма содержит краткие биополитические данные о юноше, отметки о результатах плановых профильных осмотров и диспансерном учете.

Из образовательного учреждения (с места работы) военкомат запрашивает характеристику на будущего призывника¹, имеющую вид формализованной анкеты. Она заполняется на бланке из 15 пунктов, где выбор из заданных вариантов ответа соседствует с полями для записей. Собирается информация об усердии в учебе (работе) и дополнительном военном образовании юноши. Через социально-психологические особенности и индивидуальные черты, поименованные с помощью ходового психологического тезауруса, очерчивается характер будущего призывника. Например:

«п. 9. Место, занимаемое в учебном (производственном) коллективе (подчеркнуть): лидер, неформальный лидер, ведомый член коллектива, изолирован от коллектива, индивидуалист).

п. 11. Реакция на критику и замечания старших (подчеркнуть): предпринимает действия по устранению недостатков или игнорирует замечания; эмоциональные проявления: агрессия, обида, спокойствие, безразличие, депрессия».

В анкете есть вопросы об успеваемости юноши (высокая, средняя, низкая), его склонностях (каким учебным дисциплинам отдает

предпочтение) и активном досуге (кружки, курсы, спортивные секции). Сведения, полученные о юноше не только из формуляров, но и из опыта взаимодействия с ним педагога или руководителя, позволяют уточнить бюрократический портрет призывника и отметить перспективы его социализации в армейском коллективе.

Сумма знаний, собранных и произведенных военкоматом, аккумулируется в «Листе изучения призывника»². Эта диахронная форма, согласно Инструкции, заполняется по результатам изучения документов и устных бесед с призывником, его родителями и педагогами. В отличие от анкеты лист представляет собой таблицу из двух колонок, куда вносятся не только формализованные данные, подлежащие переносу в учетные документы, но и не подтвержденные документами сведения о здоровье, достижениях, характере, вредных привычках юноши или его желании проходить военную службу в конкретном роде войск. И если анкета призывника составляет единожды, то *лист* буквально оставляет место для нескольких бесед и фиксации изменений.

При первоначальной постановке на учет создается учетная карта призывника – одна

¹ Приложение № 4 «Анкета на гражданина» к Приказу МО РФ № 400.

² Приложение № 6 «Лист изучения призывника» к Приказу МО РФ № 400.

из ключевых для личного дела бумаг, задающая основные параметры документного «я» в системе воинского учета. В нее вносятся персональные данные юноши (ФИО, дата рождения, семейное положение, место жительства, фото), сведения об образовании (работе), военно-учетной специальности, спортивных разрядах, знании иностранных языков. В порядке территориализации – закрепления индивида за местом для осуществления власти – в отдельных полях указываются жилищный орган по месту регистрации и территориальный орган внутренних дел (отдел милиции), куда военкомат может обращаться, если призывник «не выйдет на связь». С той же целью собирают «сведения о ближайших родственниках», занося их в таблицу. В столбец «А» с указанием степени родства, адреса и места работы вносится родня, проживающая «совместно с призывником». В столбец «Б» – те, кто «проживают отдельно». Остальная – и большая – часть карты занята бланковыми полями и таблицами, заполняемыми заключениями врачей-специалистов, результатами профессионального психологического отбора, медицинских освидетельствований и призывных комиссий, сведениями об отправке к месту прохождения воинской службы и возвращении со сборного пункта. Отдельно вынесены результаты первого медицинского освидетельствования и призывной комиссии, закрепляющих первоначальную категоризацию

призывника. На следующих стадиях врачи и сотрудники военкомата могут отсылать к дебюту документного «я» призывника, подчеркивая, например, отсутствие в нем данных о хроническом заболевании.

Материальная сторона бумажного «я» призывника регулировалась законом: все листы в личном деле прошиваются, нумеруются и заполняются ручкой. В акте-описи, составляемом при ознакомлении призывника со своим делом, указывается, прошиты ли листы, имеются ли карандашные пометки и нужные печати. На эти бумажные реквизиты, призванные обеспечивать сохранность личного дела призывника и его защиту от незаконных делопроизводственных вторжений, в НКО обращают внимание и призывают своих клиентов отслеживать их состояние.

Кроме того, в личное дело подшиваются «корешки» – отрывные части повесток, дублирующие информацию из уведомлений, высылаемых призывнику. На корешках указывается, кто и когда вручил повестку, ее серия, номер, цель вызова в военкомат. Согласно закону, целью вызова в военкомат, указываемой в повестке, должно быть только одно мероприятие – например, прохождение призывной комиссии или отправка на сборный пункт. И призывники, и сотрудники военкомата используют корешки, хранящиеся в личном деле, в качестве документального свидетельства: они доказательно подтверж-

дают, когда и для какой цели вызывали призывника и приходил ли он в военкомат. Исходя из этого принимается решение о том, кого привлекать к ответственности – гражданина (за неявку по повестке) или сотрудника (за ошибки в ее оформлении или проведение не прописанного в ней мероприятия).

В личное дело подшиваются бланки медицинских освидетельствований, куда по результатам осмотра врачами-специалистами вносится категория годности. Ряд обязательных обследований – флюорографию, общий анализ крови и мочи, тесты на ВИЧ и гепатит, электрокардиографию – юноша проходит заранее по направлениям, выданным военкоматом, предоставляя готовые результаты. Каждый врач в составе военно-врачебной комиссии¹ осматривает призывника и знакомится с медицинскими документами, после чего делает краткую запись в общей карте: выставляет категорию годности, штатно удостоверяя свое мнение подписью и печатью. Если категория отличается от призывной нормы («А», «годен без ограничений»), врач заносит в лист медосвидетельствования жалобы, анамнез, данные объективного обследова-

ования, результаты диагностики и диагноз. В этом случае заключение делается на основе «Расписания болезней»². Итоговую категорию годности выставляет руководитель ВВК (обычно терапевт), ориентируясь на худший показатель. При нехватке данных призывник может быть направлен на дополнительное обследование.

Включение в личное дело призывника школьной анкеты или ответов на запросы в детскую поликлинику показывает, что информация об анамнезе или становлении личности юноши, собранная военкоматом, актуализируется в акте категоризации гражданина при постановке его на воинский учет. Она же, как я покажу ниже, становится главным ресурсом в распоряжении самого гражданина, позволяющим ему управлять содержанием личного дела, корректируя и настраивая собственное документное «я».

Создавая непризывную историю болезни

Медицинское освидетельствование в военкомате включает не только осмотр юноши врачами-специалистами, но и изучение ими документов, полученных в гражданских ме-

¹ Обычно ВВК формируется из гражданских врачей, работающих в системе здравоохранения, – хирурга, терапевта, невролога, психиатра, офтальмолога, стоматолога и оториноларинголога.

² «Расписание болезней» – официально утвержденный перечень заболеваний с собственной таксономией и нозологией, используемый в армии для определения категории годности призывника или военнослужащего. Приложение к Постановлению Правительства РФ № 565 «Об утверждении Положения о военно-врачебной экспертизе» от 04.07.2013.

дучреждениях. Для получения непризывных категорий «В» и «Д» бывает недостаточно одной правильно оформленной справки с диагнозом из списка «Расписания болезней». Ряд диагнозов требует наличия в личном деле убедительно задокументированного образа хроника, имеющего убедительные в своей протяженности проблемы со здоровьем. Создание медицинского документного «я» становится, таким образом, ключевым этапом процедуры подтверждения диагноза, которую американский историк медицины Ч. Розенберг предлагает рассматривать как ритуал, «узаконивающий авторитет врачей и медицинской системы, облегчающий принятие конкретных клинических решений и обеспечивающий культурно согласованные значения для индивидуального опыта» [Rosenberg: 240]. Такой ритуал включает индивида в бюрократический порядок, позволяя «сделать [его – Н. Ш.] опыт считываемым системой» [Rosenberg: 257]. В случае с машиной воинского учета это относится не только к физическому, но и к психическому здоровью [Basaran], а также – к убеждениям [Ствольгин]. Как отмечают М. Берг и Г. Боукер, подтверждая современной этнографией тезис Фуко, медицинская практика, включающая разнообразные формы учета и контроля, создает само заболевание и его *«линейную, стабильную историю ... реализует темпоральность, которую Фуко рассматривает как важнейшее новшество модерного*

клинического взгляда» [Berg, Bowker: 516; Фуко 2010: 28–29].

В «Расписании болезней» на длительность клинических состояний и их медицинского сопровождения указывает ряд сущностей и предикатов («врожденные», «наследуемые», «динамика», «лечение»). А разным стадиям заболевания могут соответствовать разные категории годности. Так, например, в ст. 11 болезни крови подразделяются на «а) быстро прогрессирующие, а также медленно прогрессирующие со значительным нарушением функций; б) медленно прогрессирующие с умеренным нарушением функций или редкими обострениями; в) временные функциональные расстройства после несистемных заболеваний крови или состояний после завершения терапии».

В зависимости от стадии призывник будет освобожден от военной службы в любое (категория «Д») или мирное (категория «В») время. В случае «временных функциональных расстройств» он получит временное освобождение с повторным медосвидетельствованием (категория «Г»).

Прогрессирующий характер заболевания и все возрастающая потребность юноши в медицинском вмешательстве (наблюдении) должны быть сначала подтверждены в своей темпоральности медицинской бюрократией, чтобы их могла учесть и признать призывная бюрократия. Необходимую длительность задает детская амбулаторная карта, но ин-

формация, которая в ней содержится, может потеряться на переходе от педиатра к подростковому врачу, а от него – к терапевту для взрослых. Чтобы этого не произошло, родители юноши запрашивают у руководства детской поликлиники «переводной эпикриз» – форму, содержащую информацию о протекании беременности матери, перенесенных в детстве заболеваниях и т. д. Этот документ позволяет доказательно включить в личное дело призывника срезы его медицинской истории и наблюдаться в диспансере по заболеванию, имеющемуся с детства, обеспечивая непрерывность документальной фиксации недуга. В «Расписании болезней» прописана необходимость диспансерного наблюдения для диагностирования гипертонической болезни, хронического полипозного синусита, туберкулеза и т. д. Сотрудники НКО рекомендуют делать выписки из листов диспансерного учета по актуальному заболеванию или вставать на учет, если этого не сделали ранее. Медицинские документы, приобщенные к личному делу призывника, фиксируют на бумаге следы длительности, позволяющей «настраивать медицинское прошлое конкретного пациента» [Berg, Bowker: 516].

К этим бумагам призывник может добавить «заявление о категории годности» – своего рода распределенную медицинскую (авто)биографию, составляемую в свободной форме, нередко от лица одного из родственников. Обосновывая свое право разделять с героем

личного дела настройку и коррекцию его документного «я», мамы, бабушки и другая родня ссылаются на родство, нотариальную доверенность или гражданский долг. Жанр, не прописанный в нормативно-правовых актах, сложился в правозащитной практике 1990-х гг., как говорят, не без рекомендаций военных врачей. Заявление, адресованное военному комиссару, подкрепляется ксерокопиями выписок из детской амбулаторной карты, листа уточнения диагноза, справок от профильных специалистов и т. д. НКО предлагает составлять этот текст, следуя шаблону, соединяя бюрократические формулы с высказываниями от первого лица:

«Подробно опишите наличие хронических заболеваний и патологий в роду, причины смерти близких родственников и пр. <...> Мой сын родился (далее подробно описать течение беременности и родов). Ксерокопия выписной справки из роддома прилагается (если имеется)» [Архив НКО 2011].

В текст рекомендуют включать не только данные о здоровье, начиная с перинатального периода вплоть до момента написания текста, подтверждаемые документами, но и подробности биографии, которые можно получить «только из семейной памяти».

Так, в заявлении матери призывника, написанном в 2011 г. в соответствии с рекомендациями НКО, упомянута отягощенная наследственность со стороны бабушки по

материнской линии, которая «скончалась в возрасте 69 лет от ИБС, гипертоник, имела попытку суицида в возрасте 63 лет», и вычерчена регрессивная биографическая траектория отца: «Проходил службу в ВС в Афганистане, участник боевых действий, страдает нарушением психики, вспышками немотивированной агрессии с применением физической силы». Кратко описаны неблагоприятные обстоятельства внутриутробного развития («Во время беременности мать дважды испытала сильный стресс, т. к. похоронила двух близких людей – отца и дядю»), родов («обвитие пуповиной») и периода раннего развития ребенка.

Негативную картину здоровья юноши усиливает «список перенесенных заболеваний с раннего детства (на основании амбулаторной карты)» из двух десятков пунктов («1999 г. – ОРВИ (3 раза), «2007 г. – плоскостопие 3 ст.»). Указано, что юноша числился в группе ЧБД (часто болеющих детей), с 2003 г. по настоящее время жалуется на боли в ногах при ходьбе, плохо переносил транспорт в детстве, сейчас жалуется на головную боль и утомляемость. Отмечается, что призывник проходит обследования для подтверждения ранее диагностированного плоскостопия 3-й степени, что увязывает актуальные медицинские процедуры с изложенным анамнезом.

Заключительная часть заявления отведена под психолого-педагогическую харак-

теристику. От сведений об амбивалентном отношении сына к учебе, выдающем неустойчивую ипохондрическую натуру («те предметы, которые давались легко, изучал с удовольствием, [но] если возникали трудности в учебе – замыкался, старался уйти от проблемы, начинал болеть»), мать переходит к социально-психологическим свойствам личности (общению с «узким кругом сверстников») и ограниченному – по оценкам педагогов – трудолюбию («относились к нему с симпатией, хотя и ругали за лень»). Хотя эти данные и не подтверждают прямо непризывной диагноз, они создают осложненный психологический портрет и сигнализируют сотрудникам военкомата о трудностях, с которыми столкнется призывник в армейских условиях и неблагоприятном прогнозе на адаптацию к ним.

Составляя заявление, родитель создает цельную историю (не)здоровья своего ребенка, выстраивая связи между негативными событиями, тревожными фактами иотягчающими обстоятельствами («бульоном», как говорят в НКО), на фоне которых недуги из «Расписания болезней» выглядят органично и в должной степени продолжительно. Так конструирование образа юноши, негодного к службе, становится основанием для расширения, детализации и насыщения его документного «я». И наоборот. Буквальное разбухание личного дела за счет медицинской (авто)биографии позволяет убедительно

подсветить социально-медицинскую негодность юноши к несению службы.

Документное обоснование убеждений

Медицинские (авто)биографии призванного в жанре вольно трактуемого анамнеза направлены на получение через процедуру медицинского освидетельствования категории, подтверждающей его негодность к несению воинской службы по здоровью. Выбор в пользу альтернативной гражданской службы (АГС) требует других жанров письма и стратегий конструирования документного «я», сфокусированных на личности и убеждениях призванного в их становлении.

Институт АГС существует в России с 2004 г. и вступления в силу ФЗ № 113, позволяющего гражданину, имеющему «убеждения, противоречащие несению военной службы», реализовать свое конституционное право¹ на замену службы в военной части «трудовой деятельностью в интересах общества и государства»². В отличие от стран, где институт АГС действует на основе заявительного права, позволяющего призваннику

в ситуации, «когда ни суд, ни комитет не могут доказательно исследовать совесть человека», получить статус отказника «по сообщениям совести», написав заявление с изложением своих мотивов,³ в России наличие убеждений необходимо не только заявить, но и доказать или обосновать перед призывной комиссией. Автор книги об АГС и правозащитник Л. Левинсон описывает представление призванным своих убеждений в терминах «раскрытия», важного для психологии общения и социального восприятия:

«Еще раз: писать сочинение на несколько страниц вовсе не обязательно и даже излишне, но поскольку закон требует, чтобы были указаны причины и обстоятельства, одного только упоминания неизвестно каких убеждений недостаточно, их надо раскрыть» [Левинсон: 67–69].

Прозрачность современного субъекта, его ответственное проявление вовне через высказывания особого рода, обеспечивающие доступ социального окружения к его внутренним состояниям во всей их полноте,

¹ «Гражданин Российской Федерации в случае, если его убеждениям или вероисповеданию противоречит несение военной службы, а также в иных установленных федеральным законом случаях имеет право на замену ее альтернативной гражданской службой» [Конституция РФ, ст. 59, ч. 3].

² Федеральный закон № 113-ФЗ «Об альтернативной гражданской службе» от 25.07.2002 г.

³ Резолюция Европейского парламента от 1989 года «Об отказе от военной службы по соображениям совести и альтернативной гражданской службе» (A3-15/89).

признается, распознается и описывается в терминах «искренности» [Haeri; Keane: 74–75; Rosaldo]. Симптоматично, что эксперт НКО, отвечая на вопрос призывника о «триггерах у военкомата» и убедительном обосновании своего выбора в пользу АГС, «единственным триггером» назвал именно искренность. И хотя ни подробный текст заявления, адресованного в призывную комиссию, ни документально подтвержденный факт религиозного верования или участия в пацифистском объединении не гарантируют должного уровня искренности, они важны при взаимодействии с чиновниками в рамках процедуры замены, поскольку дают шанс сделать притязания призывника на альтернативную службу более весомыми, а само состояние совести – более прозрачным.

Стремлению государства к проникновению в сознание индивида, как замечают Н. Буйтрон и Х. Штайнмюллер, неизменно противостоит стремление человека к автономии, сопровождающееся утверждением непрозрачности индивидуального сознания для внешнего наблюдателя [Buitron, Steinmüller: 42–44]. В запросах призывников и их родителей, обращающихся в НКО за консультацией о перспективах освидетельствования совести, встречаются обе тенденции. Пока одни пытаются разузнать правильные слова, другие отстаивают недоказуемость убеждений на призывных ко-

миссиях, в судах, в разговорах друг с другом. Обосновывающие документы готовят все.

Процедуру замены военной службы на альтернативную запускает заявление с доводами, подтверждающими, что «антимилитаристические, пацифистские убеждения формировались на протяжении длительного времени». Призывники ссылаются на антивоенные фильмы («Цельнометаллическая оболочка», «Список Шиндлера», «Доброе утро, Вьетнам»), книги («Три товарища», «На Западном фронте без перемен»), авторитет идейных пацифистов (Махатмы Ганди, Льва Толстого), свой и чужой жизненный опыт. НКО рекомендует апеллировать к тексту Конституции и Закону об АГС. Однако основной упор в тексте делается на личность призывника, его ценности и этические ограничения, включая критические соображения юноши о призывной службе и военном деле в целом («мои внутренние убеждения основываются на неприятии любой формы насилия над личностью», или «семья – это, по моим убеждениям, малая Родина о которой я должен заботиться и защищать в первую очередь») [Архив НКО 2019].

Структура заявления, которой рекомендует придерживаться НКО, обычно включает пять пунктов, освещение которых призвано помочь автору связно и аргументировано раскрыть свои убеждения, предъявляя читателям письменное «я» призывника, последовательно и сознательно настроенного на АГС:

а) описание факторов, послуживших формированию убеждений («гуманистические установки родителей»);

б) суть убеждений, противоречащих несению военной службы («как противник насилия, я считаю невозможным для себя проходить военную службу»);

в) сведения о лицах, готовых подтвердить убеждения (родители, друзья, представитель церкви);

г) обстоятельства, по причине которых срок пропущен и просьбу восстановить пропущенный срок («я не мог подать заявление, т. к. убеждения к тому времени еще не сформировались окончательно как противоречащие несению военной службы»);

д) просьбу заменить военную службу по призыву на АГС [Архив НКО 2015].

Заявления о выборе в пользу АГС разительны отличаются от медицинских (авто)биографий. Во-первых, их пишут сами призывники, стремящиеся представить себя рефлексирующими и зрелыми личностями, а свой выбор – ответственным действием. Во-вторых, на смену регрессивному нарративу плохой наследственности, осложненной социализации, деформированной личности и плохого здоровья здесь приходит прогрессивный нарратив социального окружения, практикующего осознанное миролюбие, и конвенции «романа воспитания»:

«Как личность, я формировался в хороших условиях. Мои родители, родственники и близкие –

люди, которые имеют, на мой взгляд, хорошее образование и достойный культурный уровень. Именно они, с детства приучили меня, что война – это априори плохо. Мои бабушки и дедушки были детьми Великой Отечественной войны и кроме горя ничего там не видели. Я общался с участниками Чеченской войны, которые понимали ее бессмысленность и осознавали себя лишь марионетками» [Архив НКО 2012].

Убеждения, укорененные в пережитом, предъявляются государству как этические обязательства гражданина. Их исполнение в будущем предполагает безотлагательное изменение позиции призывника внутри таксономии воинского учета.

Как отмечает М. Ламбек, в бюрократических ритуалах современного государства гражданин утверждается в качестве непрерывного субъекта, способного брать на себя ответственность [Lambek: 840–842]. Непрерывность, которую производят на письме призывники, обосновывая выбор АГС, достигается посредством повествования и графической записи. Конструирование моральной идентичности – как в случае с доказательным раскрытием убеждений, не совместимых со службой в армии, – неотделимо от способности выстраивать историю о себе, в которой рассказчик и персонажи обретают свойства социально приемлемых индивидов по мере того, как внутри повествования их наделяют смыслом и ценностью [Gergen & Gergen 2005: 99].

Документное «я» призывника, убеждающего военкомат в своем праве на АГС, дополняется автобиографией и характеристикой с места учебы (работы). Краткая, формальная и не имеющая жесткой регламентации история собственной жизни напоминает советскую делопроизводственную автобиографию, написанную по необходимости для отдела кадров и в акте письма превращающуюся в «очную ставку с государством» [Зарецкий 2019]. Однако она дополняет жизнь юноши до цельной картины и помещает ее в контексты, понятные сотрудникам военкомата. Каркас жизни здесь намечен скупой: ФИО, дата рождения, родители, образование, кружки, хобби. Упоминают о судимости, наличии жены и детей, победах в конкурсах, настраивая и корректируя письменное «я» для создания необходимого интегрального эффекта. Об убеждениях в автобиографии, как правило, не пишут – для этого есть заявление. Однако случаются исключения. Некоторые призывники подробно описывают обстоятельства, которые привели их к их вере, или рассказывают, как с раннего детства религия стала частью их жизни. Цель такого нарратива – продемонстрировать уверенность убеждений в биографии юноши и предупредить возможные подозрения в «девиантности» со стороны сотрудников военкомата, пояснил мне призывник Владислав:

«Ну, я там и написал, что вот, там, участвовал, а меня там все время таскали родители по школам

искусств, всякие, там, конкурсы и чего-то еще и исследовательские работы в школе, какую-то великую научную деятельность. То есть я там все это написал, что от детского сада, там, условно утрирую, да, что я, там, везде занимался, что не просто, там, это до 25 лет жил, а потом решил: “Хоба, не хочу в армию!”» [ПМА: Владислав, 27 лет, АГС, запись 16 октября 2021 г.].

Характеристика с места работы (учебы) – третий документ, используемый для дополнения и настройки личного дела, производимого претендентами на АГС, – призвана усиливать и подтверждать целостный, немилитаристский, социально приемлемый и позитивный образ юноши, который давно и стабильно «вежлив и дружелюбен» или «стремится к компромиссу». Авторитет начальства и педагогов также используется для удостоверения того, что взгляды юноши на общественный строй «отличаются от общепринятых», так как «закljučаются в доминирующей роли гуманизма, человеколюбия и ненасилия над личностью». В характеристиках пишут об отсутствии дисциплинарных взысканий, добросовестности и ответственном отношении к работе – качествах зрелой личности, не уклоняющейся от исполнения своих обязанностей. Отзывы о студентах, получающих творческие специальности, пестрят указаниями на творческий склад их личности и креативное мышление, не совместимые с условиями армейской службы.

Эта документальная триада вместе с выступлением на комиссии становится формуляром самопонимания и самопрезентации субъекта [Брубейкер, Купер: 89; Keane: 65], который не доказывает, но раскрывает убеждения призывника в неразрывной связи с личностью.

Документное «я» в действии: вместо заключения

Как я постарался показать, петербургские призывники, в 2010-е гг. во взаимодействии с НКО стремившиеся обосновать свое законное право не служить в армии по состоянию здоровья или качеству убеждений, работали над созданием, настройкой и коррекцией своего письменного «я» через изменение личного дела в военкомате. Для этого в рамках бюрократических процедур, разработанных военными чиновниками и консультантами из профильных НКО, они создавали дополнительные бумаги и документальные комплексы, в которых предлагали свои версии медицинских (авто)биографий и рассказов о себе.

Расширенное и дополненное, личное дело призывника репрезентирует индивида для сотрудников военкомата: по папке с бумагами они изучают историю взаимодействия гражданина с призывной бюрократией, измеряют глубину и укорененность его убеждений, оценивают достоверность диагнозов, учитывают результаты предыдущих комис-

сий при вынесении очередного решения. От наполнения личного дела во многом зависит, увидят ли сотрудники военкомата в призывнике «хронического больного» или «симулянта», «человека с убеждениями» или «уклониста».

Личное дело функционирует как сложный документальный ансамбль, где историю призывника рассказывают не только тексты приобретаемых им документов, но и правильность оформления реквизитов, качество графической записи, задокументированные административные процедуры, нарушение которых мешает формированию убедительного документного «я». Участие родителей призывника в конструировании его документного «я», закрепленное в авторстве некоторых бумаг, не вызывает вопросов в случае создания медицинской (авто)биографии, но может осложнить принятие решения по переходу на альтернативную службу, породив у членов комиссии сомнения, насколько убеждения, декларируемые призывником, являются его собственными. В то время как в стратегии призывника могут пересекаться и подменять друг друга регрессивный нарратив ухудшающегося здоровья и прогрессивный нарратив о формировании убеждений, чиновники, напротив, могут осуществлять темпоральную критику письменного «я», квалифицируя убеждения или заболевания призывника как «внезапно появившиеся».

Формирование документного «я» призывника, как мы выясняли, становится основанием для бюрократического ритуала воинского учета, включающего институциональное производство и классификацию «рекрутов». Этот ритуал может принимать форму диагностической процедуры определения категории годности [Rosenberg] или освидетельствования этических убеждений [Lambek]. Актуализация прошлого и проектирование будущего в биографических нарративах, использующихся для настройки документного «я», позволяет рассматривать процедуры воинского учета как обряд перехода по аналогии с современными обрядами уже самой армейской службы [Кормина]. Переходным в таком случае становится и само документное «я» призывника, зависшее между периодом детства и взросления, жизненными проектами юноши (и его семьи) и государства.

Литература

Байбурин А.К. Советский паспорт: история – структура – практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 2017.

Брубейкер Р., Купер Ф. За пределами «идентичности» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 61–115.

Волошина С.В., Литвинов А.В. Анатомия делопроизводственной автобиографии в новейшей истории России: композиция и содержание текстов // *Текст. Книга. Книгоиздание*. 2016. № 1 (10). С. 40–54.

Зарецкий Ю. Моя жизнь для Государства: массовая практика составления делопроизводственных автобиографий советскими людьми // *Новое литературное обозрение*. 2019. № 3. С. 107–127.

Зарецкий Ю. Эго-документы советского времени: термины, историография, методология // *Неприкосновенный запас*. 2021. № 3. С. 184–199.

Каспэ И.М. От редактора // *Статус документа: Окончательная бумажка или отчужденное свидетельство* / под ред. И.М. Каспэ. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 5–14.

Кормина Ж.В. Проводы в армию в пореформенной России. М.: Новое литературное обозрение, 2005.

Левинсон Л. Альтернатива призыву: тем, кто делает выбор // *Международная сеть правозащитных организаций «общество и армия»*. М.: Международная сеть правозащитных организаций «Общество и Армия», 2012.

Ствольгин К.В. Теоретические подходы к проблеме психологической экспертизы пацифистских убеждений призывников // *Психология и право*. 2012. Т. 2. № 3. С. 1–10.

Фицпатрик Ш. Срывайте маски! Идентичность и самозванство в России XX века / пер. с англ. Л.Ю. Пантиной. М.: РОССПЭН. 2011.

Фуко М. Рождение клиники / пер. с фр. А.Ш. Тхостова. М.: Академический проект, 2010.

Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem. 2015.

Basaran, O. (2014). "You are like a virus": dangerous bodies and military medical authority in Turkey. *Gender & Society*, 28(4), 562–582.

Berg, M., & Bowker G. (1997). The multiple bodies of the medical record: toward a sociology of an artifact. *Sociological Quarterly*, 38(3), 513–537.

Buitron, N., & Steinmüller, H. (2021). State legibility and mind legibility in the original political society. *Religion and Society*, 12(1), 39–55.

Gergen, K.J. (2005). Narrative, moral identity, and historical consciousness. *Narration, Identity, and Historical Consciousness*, 3, 19.

Gergen, K.J., & Gergen, M.M. (1988). Narrative and the self as relationship. *Advances in Experimental Social Psychology*. Academic Press, 21, 17–56.

Gergen, K. J., & Gergen, M. M. (1997). Narratives of the self. In L. P. Hinchman, & S. K. Hinchman (Eds.), *Memory, identity, community: the idea of narrative in the human sciences*. State University of New York Press, 161–184.

Haeri, N. (2017). Unbundling sincerity: language, mediation, and interiority in comparative perspective. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 7(1), 123–138.

Harré, R. (1984). *Personal being: a theory for individual psychology*. Harvard: Harvard University Press.

Hull, M. S. (2012). Documents and bureaucracy. *Annual Review of Anthropology*, 41, 251–267.

Jancke, G. (2007). Autobiography as social practice in early modern German-speaking areas. In O. Akyıldız, H. Kara, & B. Sagaster (Eds.), *Autobiographical themes in Turkish literature: theoretical and comparative perspectives*. Ergon-Verlag, 65–80.

Keane, W. (2002). Sincerity, "modernity", and the Protestants. *Cultural Anthropology*, 17(1), 65–92.

Lambek, M. (2013). The continuous and discontinuous person: two dimensions of ethical life. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 19(4), 837–858.

Rosaldo, M.Z. (1982). The things we do with words: Ilongot speech acts and speech act theory in philosophy. *Language in Society*, 11(2), 203–237.

References

Bajburin, A.K. (2017). *Sovetskij pasport: istoriya – struktura – praktiki* [Soviet passport: history – structure – practices]. Saint-Petersburg: EUSP Press.

Basaran, O. (2014). "You are like a virus": dangerous bodies and military medical authority in Turkey. *Gender & Society*, 28(4), 562–582.

Berg, M., & Bowker G. (1997). The multiple bodies of the medical record: toward a sociology of an artifact. *Sociological Quarterly*, 38(3), 513–537.

Brubaker, R., & Cooper, F. (2002). Beyond “identity”. *Ab Imperio*, 3, 61–115.

Buitron, N., & Steinmüller, H. (2021). State legibility and mind legibility in the original political society. *Religion and Society*, 12(1), 39–55.

Fitzpatrick, S. (2011). *Tear off the masks!* Moscow: Russian Political Encyclopedia.

Foucault, M. (2010). *Naissance de la clinique* [The birth of the clinic]. Moscow: Academic project.

Foucault, M. (2015). *Surveiller et punir. Naissance de la prison* [Discipline and punish. The birth of a prison]. Moscow: Ad Marginem.

Gergen, K.J. (2005). Narrative, moral identity, and historical consciousness. *Narration, Identity, and Historical Consciousness*, 3, 19.

Gergen, K.J., & Gergen, M.M. (1988). Narrative and the self as relationship. *Advances in Experimental Social Psychology. Academic Press*, 21, 17–56.

Gergen, K. J., & Gergen, M. M. (1997). Narratives of the self. In L. P. Hinchman, & S. K. Hinchman (Eds.), *Memory, identity, community: the idea of narrative in the human sciences*. State University of New York Press, 161–184.

Haeri, N. (2017). Unbundling sincerity: language, mediation, and interiority in comparative perspective. *HAU: Journal of Ethnographic Theory*, 7(1), 123–138.

Harré, R. (1984). *Personal being: a theory for individual psychology*. Harvard: Harvard University Press.

Hull, M.S. (2012). Documents and bureaucracy. *Annual Review of Anthropology*, 41, 251–267.

Jancke, G. (2007). Autobiography as social practice in early modern German-speaking areas. In O. Akyıldız, H. Kara, & B. Sagaster (Eds.), *Autobiographical themes in Turkish literature: theoretical and comparative perspectives*. Ergon-Verlag, 65–80.

Kaspeh, I. M. (2013). Ot redaktora [From the editor]. In I.M. Kaspeh (Ed.), *Status dokumenta: okonchatel'naya bumazhka ili otchuzhdennoe svidetel'stvo* [Document status: final piece of paper or alienated certificate]. Moscow: New Literary Observer, 5–14.

Keane, W. (2002). Sincerity, “modernity”, and the Protestants. *Cultural Anthropology*, 17(1), 65–92.

Kormina, Z.V. (2005). *Provody v armiyu v poreformennoj Rossii* [Seeing off to the army in post-reform Russia]. Moscow: New Literary Observer.

Lambek, M. (2013). The continuous and discontinuous person: two dimensions of ethical life. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 19(4), 837–858.

Levinson, L. (2012). *Al'ternativa prizyvu: tem, kto delaet vybor* [Alternative to conscription: those who make a choice]. Moscow: Obschestvo i Armiya.

Rosaldo, M.Z. (1982). The things we do with words: Ilongot speech acts and speech act theory in philosophy. *Language in Society*, 11(2), 203–237.

Stvolynin, K.V. (2012). Teoreticheskie podkhody k probleme psikhologicheskoy ehkspertizy patsifistskikh ubezhdenij prizyvnikov [Theoretical approaches to the problem of psychological examination of the pacifist beliefs of conscripts]. *Psikhologiya i Pravo* [Psychology and Law], 2(3), 1–10.

Voloshina, S.V., & Litvinov, A.V. (2016). Anomiya deloproizvodstvennoj avtobiografii v novejshej istorii Rossii: kompozitsiya i sodержanie tekstov [Anatomy of clerical autobiography in the modern history of Russia: composition and content of texts]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie* [Text. Book. Publishing], 1 (10), 40–54.

Zaretskij, Y. (2019). Moya zhizn' dlya Gosudarstva: massovaya praktika sostavleniya deloproizvodstvennykh avtobiografij sovetskimi lyud'mi [My life for the State: mass practice of compiling clerical autobiographies by Soviet people]. *Novoe Literaturnoe Obozrenie* [New Literary Observer], 3, 107–127.

Zaretskij, Y. (2021). Ego-dokumenty sovetskogo vremeni: terminy, istoriografiya, metodologiya [Ego-documents of the Soviet era: terms, historiography, methodology]. *Neprikosnovennyj Zapas* [Reserve Stock], 3, 184–199.

Для цитирования: Шевченко, Н.В. (Авто)биография личного дела, или производство письменного «я» российского призванного (на материалах одной петербургской НКО в 2010-е гг.) // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2023. Т. 8. № 4. С. 194–216. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-194-216

For citation: Shevchenko, N.V. (2023) (Auto)biographies of a personal file: the construction of the written self of a Russian conscript. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 8 (4), 194–216. DOI: 10.18522/2415-8852-2023-4-194-216

**(AUTO)BIOGRAPHIES OF A PERSONAL FILE:
THE CONSTRUCTION OF THE WRITTEN SELF OF A RUSSIAN CONSCRIPT**

Nikita V. Shevchenko, PhD Student, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia);
e-mail: nshevchenko@eu.spb.ru

Abstract. The article examines the main documentary complex of military accounting from the perspective of the anthropology of bureaucracy – the personal file of the conscript together with the bureaucratic strategies of its formation. In the practice of organizations and state institutions conducting personal files on employees and citizens, the author sees a key strategy for modern management of individuals through the accumulation and systematization of knowledge about them.

The article devoted to paper mechanisms for the production of recruits touches on the work of one of the key institutions (“barracks” in Michel Foucault’s terms) of a disciplinary society that produces a modern individual in the spaces of supervision. Following the British social philosopher Rom Harre, the author considers a personal file as a bureaucratic portrait of an individual – his file-self, created by means of papers and filed in a folder. In this case, file-self is interpreted as one of the variants of the modern written self, generated and existing in bureaucratic worlds, where the right to reality and truth is assigned to the document.

The article is based on the materials of a field anthropological study conducted in the St. Petersburg human rights organization in 2019–2022. The documents analyzed in the article are stored in the archive of NGOs and dated 2011–2019. From this unique perspective, the author got the opportunity to study not the creation and management of personal files by employees of military enlistment offices, but the documentary activity of the citizens themselves, aimed at expanding the personal file and correcting the written self of the conscript. The article discusses the bureaucratic forms and narrative strategies used to build medical (auto)biographies and disclosure of their beliefs by those who are focused on obtaining a medical discharge or replacing military service with an alternative civilian one.

Key words: anthropology of bureaucracy, conscription service, personal file, file self, written identity, clerical autobiography, medical narratives, Alternative civilian service

